Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Москва слезам не верит

—... ПОЛЕЖАЕВСКАЯ!

Костю придавили к дверям. «Буду плоский», думал он, вцепившись в портфель.

Вагон трещал по швам. Потертые и сдавленные, как в соковыжималке, люди ехали с работы и огрызались друг на друга:

— Аккуратней...

— По ногам...

— Мужчина, держаться надо...

— Стала, блядь! Пройти трудно, да? Прям ебать как трудно, да? — какой-то парень насел на девушку, стоявшую у дверей. Людское цунами выволокло ее к краю, и она вжалась в угол, где ее все толкали.

— Коззза! — парень выскочил, наконец, на перрон и исчез.

«Хорошенькая какая», думал Костя, разглядывая пострадавшую.

Треть вагона вышло прочь, и освободилось несколько мест, тут же занятых расторопными бабульками. Одно осталось свободным.

Оглянувшись, девушка нерешительно присела. «Вот таким всегда и хамят...»

В такт его мыслям откуда-то возникла непристроенная бабулька:

— Уселась! Пенсионерка!

— Садитесь... я смотрела — вроде никого не было... — оправдывалась девушка. У нее был голосок-колокольчик, как у царевен в старых мультиках.

— Смотрела она! — ворчала бабулька, утрамбовывая боками соседей, чтобы было просторней сидеть.

«И защитить некому, видно», думал Костя, глядя на Царевну. «Вот сейчас выйдет — и все... а там на нее опять наорет кто-нибудь...»

Царевна и впрямь подошла к выходу.

«Нет, так нельзя», вдруг решил Костя. Открылись двери — и он вышел прежде, чем понял, зачем он это сделал.

«И что дальше? Так и буду топать следом... а домой попрусь на своих двоих, потому что снова спускаться в эту преисподнюю нет никаких сил... Как же, ну как же заговорить с ней?» — мучительно думал он. В его голове вертелись эффектные сцены: амбалы грязно домогаются его Царевны, а он...

Костя был типичным студентом-технарем — тщедушное телосложение, сутулая спина, очки — но в своих фантазиях иногда превращался в грозного мачо, наводящего страх на врагов.

—... Дэушка! Закурить дашь?

Костя очнулся. Они уже вышли на улицу. Вокруг околачивалась обычная ночная публика, полупьяная и горластая, как гамадрилы. Двое привязались к Царевне:

— До сих пор не куришь? А давай научу? Давай? Или вот он научит. Васюх, научишь зайца курить?

Васюх облапил Царевну за плечи. Костя зажмурился.

«Если не сейчас, то потом не смогу», понял он. И ринулся в атаку:

— А ну отвали, блядь! — орал он, зажмурив глаза. — Клешню нахуй убрал, блядь! Отвалили все от девушки быстро! Быстро, я сказал, блядь! Щас заебаю, блядь! Уебы, хуи недососаные,

пиздохуярища тримандоблядские, мудоебы, мать вашу нахуй пиздец, блядь!
Он вопил на весь район, надрывая глотку. Вокруг собралась публика. Гопники, приставшие к Царевне, обалдели от такого напора, и сама Царевна тоже.
— Да не ори ты! Мы просто, это самое... — оправдывался Васюх, с уважением глядя на Костю.
Через две минуты тот шел с Царевной по пустой улице.
— Вы извините, эээ... за лексику, — оправдывался Костя.
— Да ладно, ничего, — говорила Царевна, глядя на Костю во все глаза. — А вы, наверно, много тренируетесь?
— Ха! Я?... Нет, знаете, вот... как ни удивительно, но это был дебют...
— Дебют? Блестящий дебют! Поздравляю вас!
— Эээ... спасибо! Просто я хотел вас защитить...
— Защитить?
— Ну... понимаете, я еще в вагоне видел, как вам хамили всякие... Москва слезам не верит, знаете ли... И подумал: время позднее, а тут такие дворяне ошиваются, что... И не ошибся, видите...
— Постойте. Вы что, специально вышли, чтобы составить мне личный экскорт?
— Ну... ну да, ха-ха... Можно и так сказать. И видите — пригодился же...
— И часто вы так... подрабатываете?
— Я? Нет. Нееет... Я вообще не подрабатываю. Просто вы мне вдруг очень понравились.
— Понравилась? Чем?
— Сам не знаю. В вас есть что-то такое... Как на старых фото, знаете? Такое одухотворенное... Я как представил: вот вы, и рядом — вся эта наша с вами, извините за выражение, действительность... Вот и пришлось выскочить на три станции раньше...
Царевна улыбалась странной улыбкой, которая и окрыляла Костю, и вгоняла его в ступор. (мама! — взвизгнула Маша, когда они чуть не свалились со стула. — Ой! Ой! — заливалась она своим смехом-колокольчиком.
— Чего ты смеешься?
— Хорошо мне, вот и смеюсь... Пошли. Пошли, рыцарь. Пошли в чертог, — она схватила Костю за руку и, притащив к постели, прыгнула туда, как была, в туфлях и платье:
— Иди ко мне!
Костя прыгнул туда же, и они завозились, как счастливые котята. — Иииыыы! — визжала и хохотала Маша, и Костя вместе с ней. — Ну? Ну? — спросила она, когда чуть отдышалась.
— Что «ну»?
— Кто первый?
— Что?
— Вот дурачок!"Что, что... « — она приподнялась и стащила с себя платье, оставшись в одном белье и туфлях. — Теперь ты.
Костя, не сводя с нее глаз, разделся до трусов и майки.
— И все? Ты трус.
— Я не трус.
— Трус. Давай вместе.
Осторожно, подстраиваясь друг под друга, они оголили торсы.
— Ну? — шепотом спросила Маша.
У нее были сиськи-висюльки сосками вниз, трогательные и забавные. Их сразу захотелось

лизать и теребить носом. — Страшно?
— Нет.
— Ты раньше делал это?
— Да.
— А я нет.
— И я нет. Я соврал.
— Мы оба хороши. Я тоже соврала... Твоя очередь!
— Чего это? — спросил Костя, но все-таки снял трусы, оголив большой член, багровый и налитой от возбуждения.
— Того. Закрой глаза.
— Ты не закрывала...
— Закрой!
Костя зажмурился. Через секунду к нему прильнуло теплое тело, в лицо ткнулись лизучие губы, и Костя застонал от блаженства, окутавшего его, как кокон...
— Нравится, да? — шептали губы.
— Аааа...
— Не смотри на меня. Не смотри туда. Давай сразу... — Маша нащупала член и попыталась всунуть в себя. Костя простонал:
— У меня... нет... презерватива...
— И? Что делать?
— Не знаю... Аааа!
Он вдруг ухватил Машу, наполовину оседлавшую его, за голые бедра, и с силой натянул на себя.
— Оооуууууу... — выгнулась Маша.
— Больно? Прости, прости...
— Да нееееет... Аааа...
— Что?
— Аааа... Просто я не знала, что это так приятно, понял? Аааа...
Окрыленный Костя вдавился в Машу до упора и стал с силой подбрасывать ее, удерживая за бедра.
Из него рвался напористый ритм, и Костя выталкивал его в сладкую женскую плоть — еще, и еще, и еще...
— А! А! А! — стонала Маша.
Ее сиськи-висюльки подпрыгивали, как надувные шарики. Костя выгнулся и ухватил губами одну.
Маша захныкала:
— Ой-ей-ей... аааа! Аааааа!..
Костя теребил языком сосок, как струну. Тряска была такой бешеной, что сиська едва держалась во рту.
— Мммммммм... — вдруг взревел он, не размыкая губ, и сдавил мертвой хваткой Машины бедра.
Его член рвался, толкался и заливал ее новыми, новыми, новыми струями спермы, сладкой и жгучей, как пунш, если его лить прямо в горло...
— Оооууух...

— Аааааа...
Маша лежала на нем и дышала ему в шею.
— Ты... кончила?
— Нееееет... но было таааааак...
— Давай я тебе сделаю... ну... это...
— Нет!
— Почему?
— Не надо. Не смотри туда...
— Ну как же? Я ведь только что тебя там...
— Нееееет!
Но Костя уже разворачивал ее. И застыл.
—... Ну вот. Я же говорила!
— Что это?
— Неважно. Шрамы.
— Шрамы? Тебе делали операцию?
Маша помолчала. Потом спросила:
— Это очень ужасно?
— Ну причем тут?... Расскажи.
Она молчала.
— Расскажи! Что с тобой было?
Маша вздохнула:
— Ладно. Сам напросился. Пять лет назад меня изнасиловали. Трое. А потом они меня... Они взяли большой нож и отрезали мне... тут, — Маша тронула пальцем огромные рубцы, темневшие на месте половых губ, больших и малых. — Я все чувствовала. Я кричала, как резаная... потому что и была резаная. Они разделывали меня, как тушу. Потом они отрезали мне пальцы. Вот... — она скинула туфлю, подтянула ногу, и Костя с ужасом увидел, что на ступне нет половины пальцев. — Ломали, потом резали. Потом стали рвать мне волосы. Захватывали вот так — Маша намотала прядку на пальцы, — и рвали. Тоненько брали, чтобы уж точно наверняка... Потом я ничего не помню. Помню только больницу. Я истекла кровью, и меня еле спасли...
Она говорила глухим голосом, как из-под подушки.
— С тех пор я ни с кем... ну, ты понимаешь. Считай, ты мой первый мужчина.
Костя сидел, как каменный.
Потом вдруг упал на Машу и стал целовать ее, давясь слюной и слезами:
— Маша... Машенька... Теперь я всегда буду с тобой... Теперь тебя никто никогда не обидит... Никто... никогда...
***
Утром, когда они шли к метро, им преградили дорогу двое.
— А? Что ты нам вчера хотел сказать? А? Не слышу! — вопрошал один Костю, сдавив ему шею.
Тот хрипел и пускал пузыри.
Второй подошел, размахнулся...
Внезапно все опрокинулось. Горло расперло кашлем, в глаза ударило солнце и голубое небо...
«Мне врезали в челюсть, и мне не больно?», думал Костя... и вдруг понял, что ударили не его.

Держась за горло, он поднялся с травы.
— Вот тебе! — Машин кулак снова и снова влетал в рожу амбалу, упавшему на траву. — И тебе! — добавила она Костиному обидчику.
Оба любителя музыки валялись, как груши, хлюпая расквашенными носами.
— Хоть лежачих и не бьют, но... Костик, Костинька, ты как? — она подбежала к нему. — Они не сильно тебя?... Пойдем, мой зайчик...
Костик смотрел на нее, не двигаясь с места.
— Что? Я чемпионка Москвы по тайскому боксу, разве я не говорила тебе?... В наше время надо быть сильной. Вот тогда еще вышла из больницы — и сразу на курсы... Москва слезам не верит. Пойдем!
— Но... — Костя поплелся за ней, оглядываясь на лежащих амбалов. — Но... А вчера, у метро...
— Аааа... Так то Васюх с Шамилькой, одноклассники мои. Нормальные пацаны, никогда не приставали... Манеры у них, правда, не дворянские... Ты их сильно впечатлил. Понимаешь, они хоть и нормальные, но все хиляки. Я ведь знаю их, как облупленных... А ты — первый настоящий мужик, которого я встретила в своей жизни. И теперь я тебя никуда не... Зеленый! Бежим!